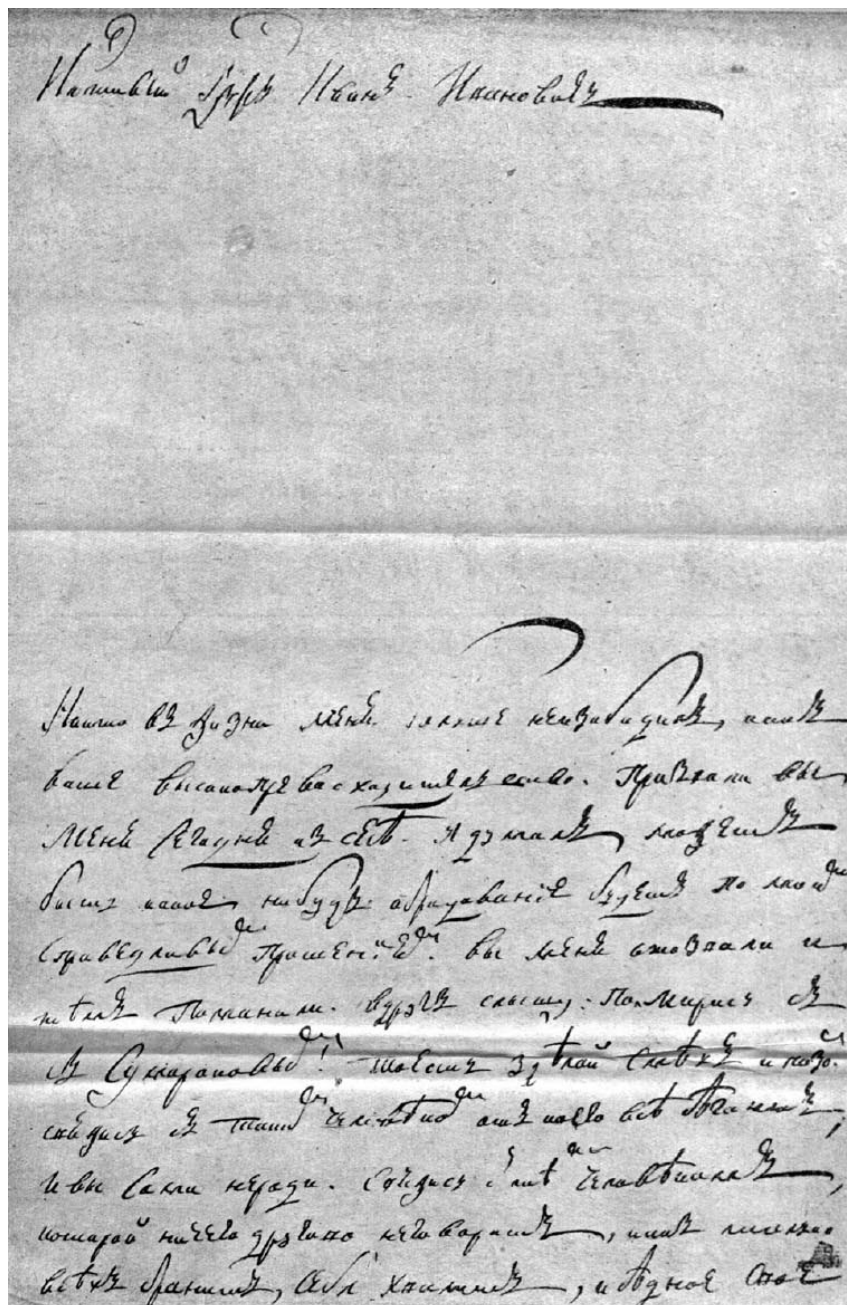

Письма русских писателей XVIII века

М. В. Ломоносов — И. И. Шувалову ¹

Милостивый Государь Иван Иванович!

Никто в жизни меня больше не избидил, как Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сего дня к себе. Я думал, может быть какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям. Вы меня отозвали и тем поманили. Вдруг слышу: помирись с Сумароковым²! то есть сделай смех и позор. Свяжись с таким человеком, от коего все бегают и вы сами не ради. Свяжись с тем человеком, который ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое

Рифмичество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта³ и Миллера⁴
Тягуща и махца гди мова такъво браманъ
Тмо не печатають его сочиненія; а не ради общей пользы.
Я забываю все его озлобления, и мстить не хочу ни коим образом, и Бог мне не
дал злобного сердца. Только дружитья и обходиться с ним ни коим образом не
могу, испытавъ чрез многие случаи, а зная, какво в крапиву... Не хотя вас оскорбить
отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание; только вас уверяю, что в
последний раз. И ежели, не смотря на мое усердие, будете гневаться; я полагаюсь
на помощь Всевышнего, который мне был в жизни защитник, и никогда не оставил,
когда я пролил перед ним слезы в моей справедливости. Выше Высокопревосходи-
тельство, имея ныне случай служить Отечеству спомоществованием в науках, можете
лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Зла ему не желаю.

рифмичество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта³ и Миллера⁴
для того только бранит, что не печатают его сочинений; а не ради общей пользы.
Я забываю все его озлобления, и мстить не хочу ни коим образом, и Бог мне не
дал злобного сердца. Только дружитья и обходиться с ним ни коим образом не
могу, испытавъ чрез многие случаи, а зная, какво в крапиву... Не хотя вас оскорбить
отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание; только вас уверяю, что в
последний раз. И ежели, не смотря на мое усердие, будете гневаться; я полагаюсь
на помощь Всевышнего, который мне был в жизни защитник, и никогда не оставил,
когда я пролил перед ним слезы в моей справедливости. Выше Высокопревосходи-
тельство, имея ныне случай служить Отечеству спомоществованием в науках, можете
лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Зла ему не желаю.

Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мне с ним не знаясь.
Будь он человек знающий и искусный, пускай делает пользу Отечеству, я по моему
малому таланту так же готов стараться. А с таким человеком обхождения иметь не могу
и не хочу, который все протчие знания позорит, которых и духу не смыслит. И сие есть
истинное мое мнение, кое без всякия страсти ныне вам представляю. Не токмо у стола
знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого
Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет⁵. Господин Сумароков,
привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет,
и рад, что его Бог от меня унес. По разным наукам у меня столько дела, что я отказался
от всех компаний; жена и дочь моя⁶ привыкли сидеть дома, и не желают с комеди-
янтами⁷ обхождения. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сие

Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мне с ним не знаясь.
Будь он человек знающий и искусный, пускай делает пользу Отечеству, я по моему
малому таланту так же готов стараться. А с таким человеком обхождения иметь не могу
и не хочу, который все протчие знания позорит, которых и духу не смыслит. И сие есть
истинное мое мнение, кое без всякия страсти ныне вам представляю. Не токмо у стола
знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого
Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет⁵. Господин Сумароков,
привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет,
и рад, что его Бог от меня унес. По разным наукам у меня столько дела, что я отказался
от всех компаний; жена и дочь моя⁶ привыкли сидеть дома, и не желают с комеди-
янтами⁷ обхождения. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сие

время ужились мы в единодушии. Теперь по вашему миротворству должны мы вступи-
 ть в новую дурную атмосферу. Ежели вам любезно распространение наук в России;
 ежели мое к вам усердие не исчезло в памяти; постарайтесь о скором исполнении
 моих справедливых для пользы Отечества прошениях, а о примирении меня с Сумаро-
 ковым, как о мелочном деле, позабудьте. Ожидая от вас справедливого ответа с дре-
 вним высокопочитанием пребываю
 Вашего Высокопревосходительства
 1761 года
 Января 19 дня.

Униженный и покорный слуга
 Михайло Ломоносов

время ужились мы в единодушии. Теперь по вашему миротворству должны мы вступи-
 ть в новую дурную атмосферу. Ежели вам любезно распространение наук в России;
 ежели мое к вам усердие не исчезло в памяти; постарайтесь о скором исполнении
 моих справедливых для пользы Отечества прошениях, а о примирении меня с Сумаро-
 ковым, как о мелочном деле, позабудьте. Ожидая от вас справедливого ответа с дре-
 вним высокопочитанием пребываю

Вашего Высокопревосходительства

1761 года
 Января 19 дня.

униженный и покорный слуга
 Михайло Ломоносов.

К Шувалову обращен ряд стихотворных посланий и писем Ломоносова. Как поэт и теоретик стиха, Ломоносов вел борьбу с поэтом, ученым и переводчиком В. К. Тредиаковским (1703—1768) и с поэтом и драматургом А. П. Сумароковым, который отличался неуживчивым и болезненно самолюбивым нравом (см.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936. С. 92—146).

¹ Шувалов Иван Иванович (1717—1797) — елизаветинский вельможа и государственный деятель. Разносторонне образованный человек, сыграл значительную роль в истории русской культуры XVIII в. Вместе с Ломоносовым, которому он покровительствовал, основал Московский университет (1755) и был первым его куратором.

² Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — писатель, поэт и драматург, родоначальник русской трагедии и комедии, один из основных теоретиков русского классицизма. Несмотря на личные стычки и несогласия по ряду литературных вопросов «типично дворянского идеолога Сумарокова с «плебеем» Ломоносовым, первых деятелей новой литературы объединяют пафос служения обществу, просветительская программа, общая политическая платформа...» (Благой Д. От Кантемира до наших дней. М., 1972. Т. 1. С. 32). Сумароков писал о Ломоносове: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен» («Эпистола. О стихотворстве». 1747).

³ Тауберт Иоганн Каспар (1717—1771), адъюнкт исторического класса, библиотекарь и советник канцелярии Академии наук. Вместе с Г.-Ф. Миллером ведал академическими изданиями, в том числе журналом «Ежемесячные сочинения», где постоянно печатался Сумароков. Однако в 1759 г. Тауберт и Миллер стали ему в этом отказывать, что и вызвало столкновения.

⁴ Миллер Герард-Фридрих (Федор Иванович, 1705—1783), историк и археограф, академик; приехал в Петербург из Германии в 1725 г. В диссертации «Происхождение народа и имени российского» (1749) в духе норманистов излагал историю России, что вызвало резкую критику Ломоносова и других русских академиков, обвинивших его в антипатриотизме. Ломоносов был не совсем справедлив к Миллеру, который, несмотря на свою в общем ошибочную историческую концепцию, сделал много полезного, собирая материалы по русской истории, в частности по истории Сибири (см. его кн.: История Сибири. М.; Л., 1937—1938. Т. 1—2). Миллер издавал «Санкт-Петербургские ведомости» и сборники статей по русской истории.

⁵ *Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет.* — Эти слова Ломоносова, напечатанные в «Урагии», наверняка запомнились Пушкину, у которого в дневнике 1834 г. есть близкая их реминисценция: «Г<осударю> неудобно было, что о своем камер_юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. — Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя Небесного» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 329). В «Путешествии из Москвы в Петербург», в главе «Ломоносов», Пушкин привел из «Урагии» эти слова Ломоносова (Там же. Т. 11. С. 254). См. также выписки из письма Ломоносова к И.И. Шувалову — презрительные оценки Сумарокова и др. — там же, с. 226, 249.

⁶ *...жена и дочь моя...* — Жена — Елизавета Андреевна Ломоносова, урожденная Цильх (1720—1766). Вышла замуж за Ломоносова в Марбурге 6 июня 1740 г.; дочь — Елена Михайловна Ломоносова (1749—1772), в замужестве Константинова.

⁷ *...с комедиянтами...* — Намек на Сумарокова, который общался с актерами. С 1756 г., при создании постоянного Российского театра, он был назначен его директором.

Письмо напечатано в «Урагии на 1826 год», см. современное издание: «Урагия. Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности», М. «Наука», «Литературные памятники», 1998, стр. 39—40.